

Эва Синкевича

Рига, Латвия

ПРОЯВЛЕНИЯ ТЕОРИИ АВТОНОМИЗМА С. М. ДУБНОВА В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЛАТВИИ

Изучая еврейские национальные движения, которые появились в XIX в. (эмансипация, сионизм, автономизм), следует учитывать и историческую традицию, и положение евреев в то время, а также настроения в общей политической ситуации. Д. Зисерман упоминает, что лидеры национальных движений «неполитических наций», которые стремились доказать легитимность своих стараний, стали создавать стандарты языков (составляли словари, записывали фольклор, создавали литературу, издавали периодические издания) и формировать «национальные истории», создавая таким образом из этнических групп национальные общины¹.

Основателем теории автономизма является выдающийся еврейский историк Семен Маркович Дубнов, сначала опубликовавший ее в ряде статей, которые печатались в журнале «Восход» в 1897—1902 гг.

Сторонники теории автономизма считают возможным существование еврейской нации в диаспоре; они полагают, что евреям, являющимся гражданами различных стран, нужно в этих странах создавать особые национально-культурные единицы с широким полем действия, которые соблюдали бы законодательство данных стран. В своих работах С. М. Дубнов считал еврейский народ «народом, дом которого — весь мир», и полагал, что еврейский народ образовался, приспособившись к тем обстоятельствам, в которых он жил.

Полностью теорию автономизма Дубнов сформулировал в своей книге «Письма о старом и новом еврействе», которая была опубликована в 1907 г. В центр теории он поставил концепцию национальных типов. Дубнов считал, что в результате исторического прогресса национальные типы меняются. Типы наций, признаки которых меняются в соответствии с главными признаками каждой эпохи, он систематизировал следующим образом:

- 1) расовый тип;
- 2) территориально-политический, или социально-автономный, тип;
- 3) культурно-исторический, или духовный, тип.

Дубнов считает, что в основе жизнеспособности еврейского народа лежит то, что он прошел через расовую фазу, первокультурную фазу и фазу национально-территориально-политическую. Развитие еврейского народа уже успело утвердиться в самой высокой — духовной, или культурно-исторический, фазе; еврейская нация сумела консолидироваться как духовная нация, которая живет либо со стихийным, либо с осознанным желанием жить. Отсутствие политических факторов было заменено интенсивностью духовных факторов². Дубнов достаточно удачно пытался реабилитировать диаспору в истории еврейского народа. Не уменьшая значения трагических событий в еврейской истории, он показал, что

этим история не кончается. В политической обособленности евреев был виден способ самоуправления, благодаря которому евреи в большой мере сохранили свою независимость и политическую инициативу. Дубнов пишет: «В диаспоре еврейский народ создал особую социальную систему и общинную идеологию. Во всех этапах еврейской истории выделялась одна община, которая лучше других делала успехи в сохранении самоуправления и духовной независимости»³. Но в целом эта теория имела в виду в основном только евреев Европы, что ясно видно в отношении автономизма к языку идиш. Дубнов утверждал, что среди факторов, которые формируют автономию в диаспоре, особое место имеет язык, на котором говорят 7 млн евреев Галиции и России и который представляет собой большую силу самосохранения. Он считал, что сторонники существования в диаспоре должны осознать значение идиша как основы автономизма, наряду с древнееврейским (ивритом) и другими ценностями национальной культуры. На самом деле идиш стал главным фактором, на который автономисты опирались в своих идеях. На основе «автономии национальной, культурной и личной» было выдвинуто требование об идише как официальном языке в учреждениях культуры и школах.

Автономисты Европы руководствовались фактом, что их теория принимала существование тех европейских многонациональных империй, где концентрировались основные массы еврейства, т. е. Австро-Венгрии и России.

Теорию автономизма Дубнов формулирует следующим образом: «В каждой стране евреи, активно участвуя в ее гражданской и политической жизни, пользуются теми же правами, которые имеют граждане этой страны как отдельные люди и как члены своих наций. Имея гражданскую равноправность, евреи стремятся и к национальному равноправию, которая допускаема без нанесения вреда органичной целостности организму данного государства»⁴.

Очень многие еврейские партии Восточной Европы считали евреев национальной группой, для которой они требовали автономии — лингвистической, социальной и культурной. Поскольку у евреев в то время не было определенной территории, эти права были бы связаны не с каким-то определенным географическим регионом, а с людьми, принадлежащими или ассоциирующими себя как национальная группа; можно сказать, что автономия, какой они требовали, была бы персональной автономией, которая всегда присуща человеку, обладающему ею как личной собственностью. Неизбежным следствием такого подхода было то, что еврейские партии оппонировали процессу распада многонациональных великих держав. Они желали, чтобы государства были бы организованы как национальные федерации без различий в территориальном распределении. Дубнов считал, что главная связь между людьми — это происхождение (*origin*), главным проявлением которого является осознание общей культуры и духа; это органичная связь, коренящаяся в нации, к которой лояльны все члены конкретной нации. Политическая связь является аспектом вторичным, поскольку она зависит от меняющейся политической ситуации⁵.

Требования автономии в большей или меньшей степени включали в свои программы почти все еврейские партии Восточной Европы. Полностью политикой автономистов приняла *Фолкспартей* (на идише «Народная партия») (что вполне логично, так как ее основателем был сам Дубнов), а в менее радикальной форме — и Бунд. Бунд был основан в 1897 г. в Вильне, и его первоначальным названием было «Всеобщий еврейский рабочий союз в Литве, Польше и России».

На территории Латвии Бунд наиболее широко был представлен в Даугавпилсе, где в 1905 г. насчитывалось 1000 членов этой партии. Бунд составлял оппозицию сионистам, которые, по мнению бундовцев, поддерживали утопическую идею о создании еврейского государства в Палестине. В Латвии лидером этой партии был Ной (Ноах) Майзель. Х. Брегман пишет, что в 20—30-х гг. это была небольшая, но весьма влиятельная в еврейских кругах организация⁶. При Бунде действовали студенческое общество «Цукунфт» («Будущее») и молодежная организация Перец-клуб. Одним членом партии Бунд был представлен в 1-м Сейме Латвии (избран в 1922 г.), 2-м (1925) и 3-м (1928) Сейме⁷ — вплоть до 15 мая 1934 г., когда деятельность всех еврейских политических партий была прекращена.

В независимой Латвии Бунд был тесно связан с партией латвийских социал-демократов — он был секцией этой нееврейской партии, которая выступала за улучшение условий жизни также евреев, и ее поддерживали еврейские трудящиеся в Латгалии и других областях⁸. Поэтому Бунд мог действовать намного эффективнее, чем другие еврейские партии.

Точку зрения Бунда по вопросу об автономии наглядно выражает разработанный им законопроект о национально-персональной автономии в Латвии (принят не был). В нем сказано: «У каждой национальности, которая проживает в Латвии... есть право на национально-персональную автономию. <...> Право на национально-персональную автономию предоставляется следующим национальностям, проживающим на территории Латвии: немецкой, еврейской и русской. <...> Для осуществления прав, упомянутых в первом параграфе, гражданам Латвийской Республики, принадлежащим к вышеупомянутым нациям, следует создать национальные союзы. <...> Национальные союзы имеют права в меру своей компетенции издавать законы, которые упомянуты в седьмом параграфе настоящего закона. Национальные союзы вправе представлять в государственных и общественных учреждениях те национальности, которые проживают на территории Латвийской Республики. <...> Если Латвийская Республика вступает в тесные контакты с какими-либо другими государствами, то и национальные союзы Латвии вправе вступать в такие же контакты с национальными союзами этих государств»⁹.

Свою точку зрения об автономизме Бунд подтверждает также в совместной декларации Бунда и «Поалей-Цион» по национальному вопросу: «Еврейский народ, перед которым стоят многочисленные и особые задачи, связанные с его экономической и культурной жизнью, и у которого нет своих областных учреждений, в сферу персональной автономии включают и такие сферы своей жизни, которые другие нации реализуют посредством своих областных учреждений. Поэтому в компетенцию своего автономизма, помимо вопросов народного просвещения (которым ограничивается Бунд), мы включаем также и вопрос социальной помощи, регулирования эмиграции евреев как последний этап решения нашей национальной проблемы и т. д.»¹⁰.

Как один из примеров того, что Бунд не поддерживал идеи сионизма, можно упомянуть письмо лиепайского отделения Бунда, в котором сионизм был назван «реакционным явлением». В качестве наглядного примера можно привести цитату: «... в последнее время сионизм подвергся смертельному удару, эмиграция в Палестину остановилась, и нет никаких надежд на успехи, и нечего дурачить народ»¹¹. Можно упомянуть и Еврейскую национально-демократическую (ЕНД) партию, хотя она и не имела большого влияния. В уставе этой партии говорится:

«Партия ЕНД старается укоренить евреев Латвии в демократическую страну Латвию как полноправную и автономную, в смысле национально-культурном и религиозном, народную группу»¹².

Можно еще упомянуть клерикально-консервативную партию «Агудат-Израэль», которая тоже была представлена во всех довоенных составах Сейма. Для нее была характерна дистанцированность от сионистского движения, так как соратники лидера этой партии М. Дубина считали, что полем их деятельности является не Палестина, а Латвия — страна, в которой евреи уже жили и живут¹³.

* * *

Латвии как государству требовалось международное признание, и ее больше тревожили немецкое и русское меньшинства, и, следовательно, она отдавала предпочтение тому, чтобы евреи укрепляли свою национальную идентичность, а не примкнули к одной из упомянутых этнических групп. Поэтому Латвийское государство предоставило евреям некоторую форму национальной автономии. Как пример можно привести тот факт, что в 1919 г. особым законом была утверждена еврейская секция при Министерстве просвещения, которая должна была заниматься теми еврейскими школами, которые субсидировались государством. Это, конечно, было лишь частью того, о чем мечтал С. М. Дубнов, но и это было немало.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Зисерман Д.* К вопросу о генезисе сионизма // Российский сионизм: история и культура. М., 2002. С. 24.

² *Дубнов С.М., Динур Б.-Ц.* Две концепции еврейского национального возрождения. Иерусалим, 1981. С. 45. (Сер. «Б-ка Алия»).

³ Там же. С. 56.

⁴ Там же. С. 128.

⁵ *Jews and non-Jews in Eastern Europe, 1918—1945* / Ed. B. Vago, G. L. Mosse. Jerusalem, 1974. P. 6.

⁶ См.: *Штейман И.* История евреев Латвии. Даугавпилс, 1995. С. 100.

⁷ *Dribins L., Gūtmanis A., Vestermanis M.* Latvijas ebreju kopiena: vēsture, traģēdija, atdzimšana. R., 2001. 34.—35. lpp.

⁸ *Levins D.* Ebreju vēsture Latvijā: No apmešanās sākumiem līdz mūsu dienām. R., 1998. 66. lpp.

⁹ ЛГИА, ф. 5272, оп. 1, д. 7, л. 1—2.

¹⁰ Там же, д. 8, л. 6.

¹¹ Там же, оп. 2, д. 7, л. 12.

¹² Там же, ф. 2200, оп. 1, д. 1, л. 2.

¹³ *Штейман И.* Указ. соч. С. 106.